

Сергей Павлович Храмцов

Сергей Павлович Храмцов ушёл из жизни в январе 1968 года. Попрощаться с ним пришёл весь Ульяновск. Хотя, казалось бы, кем он был для города? Учитель, труд которого не отмечен никакими особыми наградами. Поэт, относившийся с иронией к своим творениям. Любитель шахмат. И в течение нескольких месяцев – редактор газеты «Ульяновская правда». В недалёком прошлом в городе проводились шахматные турниры на приз памяти С.П. Храмцова. Его до сих пор с благодарностью вспоминают ученики, а старожилы о нём говорят: «Он был душой Ульяновска». Такие люди встречаются нечасто. Вот уже 12 лет прошло, как не стало дочери Храмцова – Натальи Сергеевны. Известный искусствовед, интеллектуал, она тоже была своего рода душой Ульяновска. «Мономах» еще вернётся к рассказу о Наталье Храмцовой, а пока мы познакомим читателей с её воспоминаниями об отце.

Он был душой Ульяновска

Об отце мне писать трудно и легко одновременно. Трудно, потому что в воспоминаниях не сумею воссоздать характер сложного, интересного, разностороннего человека. Легко – потому что очень хорошо его помню и люблю, потому что многие его черты замечаю в своём характере.

Когда была маленькая, он на меня мало обращал внимания. Любил, конечно, но по-настоящему я ему была неинтересна. Интерес возник, когда отец заметил, как я слушаю «взрослые» стихи. Первым – навек! – потрясением было чтение отцом «Песни про купца Калашникова» Лермонтова. Читал он прекрасно. Он заразил меня любовью к литературе, главным образом, русской и античной.

Исподволь, незаметно папа воспитывал во мне интерес к истории, знал он очень много и рассказывал замечательно. И это не моё призрачное мнение.

Помню, как в военные годы, в тёмном классе – света не было, и погасла последняя коптилка – папа

рассказывает, и в абсолютной тишине ребята слушают.

У меня до сих пор сохранилось увлечение периодами истории, которые интересовали отца, – весь русский XVIII век, декабристы, народо-вольцы. Для него история была шумной и живой сценой, населённой разными, порой загадочными людьми. Такой загадочной исторической фигурой он считал Павла I. Когда я увидела Олега Борисова в роли Павла в пьесе Д. Мережковского, поразила, насколько Павел в изображении Борисова был близок к представлению о нём отца.

Некоторые из учеников надолго сохранили любовь к истории, даже избрав совершенно иную профессию. Доктор технических наук Николай Николаевич Шипков всю жизнь читал книги по античной и русской истории, хотя прошло около 50 лет, когда всё это ему преподавал отец.

Но всё-таки не история сделала нас душевно близкими.

Помню, мы вместе идём в школу зимним утром 1943 года, мороз жуткий, одеты мы оба кое-как, а он читает наизусть «Илиаду» и радуется, что

я быстро запоминаю со слуха. Дома стихи звучали постоянно – Державина, Пушкина, Некрасова, Полонского, Бальмонта, Блока. Он декламировал их, чем бы ни занимался. Когда-то я спросила его, какие строки он хотел бы поставить эпиграфом и своей жизни. Он ответил только на другой день: «Знаешь, я бы хотел написать два. Первый из Жуковского:

*Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла.*

Мой друг,

я всё земное совершила –

Я на земле любила и жила.

И ещё эти замечательные блоковские строки:

*Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита.*

Он открыл для меня поэтов, которых не проходили в школе, которых было «знать не надо» или «необязательно» – от Тютчева и А.К. Толстого до Н. Гумилева и И. Северянина. Однажды мы с ним остались дома вдвоём в наш общий праздник 8 Марта (его день рождения), пили чай с тортом, читали «Балладу Редингской тюрьмы» Уайльда в разных перево-

да спорили, и оба остались довольны проведённым вечером.

Свои стихи отец почти никогда не читал, по-моему, относился к ним довольно иронически, насмешливо шпигровал слова известного коллекционера Жиркевича: «Что же это вы, Сергей Павлович, порядочный человек, а пишете как Демьян Бедный». Охотно читал лишь некоторые стихи – те, что принадлежали его студенческой молодости: «Модистку Нину» и «Песню о Зинке», которую когда-то очень любили жители нашего города. «Песню о Зинке» лучше, чем папа, читал бывший папин ученик – заслуженный артист РСФСР Матвей Филиппович Шарымов.

Много мне отец рассказывал об эпизодах литературной жизни Симбирска начала 1920-х годов, но её героев я уже почти никого не узнаю: кто уехал, многие пали жертвами сталинских репрессий, кто погиб на фронте...

Нельзя сказать, что отец воспитывал меня каждодневно, следил за моей учёбой или поведением. Оценки были порой неожиданными, но запомнились на всю жизнь. Убежал с собрания в школе – это прощается легко, т. к. признаюсь, что ходил в кино на «Маскарад». Посмеялся над стариком-преподавателем – отец всегда такой весёлый, снисходительный и добрый, говорит со мной с горечью и презрением. Навсегда остаётся сознание: нельзя обижать того, кто слабее.

Со всеми вечными и детскими вопросами шла к отцу. В первые месяцы войны какие-то разговоры взволновали меня, 14-летнюю, и я спросила: «А что такое антисемитизм?» Разговор был долгий – об Иисусе Христе, о Спинозе, о деле Дрейфуса, о Левитане и Короленко, о Ботвиннике и Эренбурге, о папином ученике Мише Быховском, уже воевавшем два месяца. Разговор закончился так: «Ты видишь, антисемиты – люди или глупые, или подлые. Не дружи с ними и никогда не подавай им руки».

При обширнейших литературных познаниях отца как-то получилось, что он очень мало знал стихи А.А. Ахматовой, которая была моей любимой поэтессой. ...1946 год. После обеда отец отдыхает и читает в газетах постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и позорный доклад Жданова. Зовёт меня и

Сергей Храмцов

Песня о Зинке

*Много звёздочек у Бога,
Много в поле ячменя,
А на Волге много-много
Красных девок, краше дня.
Наши девушки – картинки,
Бело-светлые цветы,
Только краше смуглой Зинки
Не найдёшь на Волге ты.
Ах, какой у ней румянец,
А глаза... как есть – миндаль...
Мне бы ехать – я казанец,
Да расстаться с Зинкой жаль.
Эх, когда бы мне не ехать
В Казань – родину мою,
Я совсем не стал бы ехать
Да корить судьбу свою.
Пел бы песни, что есть мочи,
Духом мигом бы воскрес!
И с утра до поздней ночи
С Зинкой – в поле,*

с Зинкой – в лес...

*Веселиться бы с желанной,
Над соперником шутить
И, обняв её неожиданно,
На минуту тихим быть.
Пусть в ушах зрохочут трубы,
Тьма в глазах,*

а в сердце – шквал –

*В красно-огненные губы
До забвенья б целовать!
Наши девушки – картинки,
Нежных яблонь светлый цвет,
Только всё же лучше Зинки,
Краше Зинки девки нет.*

просит читать стихи А.А. Ахматовой. Одно, другое, третье... Просит: «Ещё, ещё...» Потом, помолчав, говорит: «Гениальная поэтесса». И газеты брезгливо бросаются па пол.

Бесспорно, актом воспитания было и то, что известное (а моему поколению вовсе не известное) завещание В.И. Ленина отец мне прочитал в конце 1945-го или в начале 1946 года. (Где достал? Как рисковал!)

А вообще-то отец был остроумен, любил хорошую шутку, меткое слово, острый анекдот. Когда мама замечала, что у пальто оторвана вешалка или пуговица, отец парировал: «И в рубище почтенна добродетель». О какой-то начальственной даме с тоской говорил: «Троечница. Она всегда была троечницей».

О людях очень редко отзывался плохо, даже о тех, кого не любил, не уважал, которые портили ему жизнь. Он начинал как-то опасливо сторониться их и старался забыть. А справившись с этим, приходил в своё обычное хорошее настроение и напевал свою любимую песню: «Легко на сердце от песни весёлой».

Странно, что в отце соединялись слабость характера (в доме командовал не он, на работе не всегда мог отстоять своё) с удивительным терпением и мужеством. Он очень любил своего последнего врача В.И. Тимошенко и поразил её и медицинских сестёр тем, что во время операции, которая шла под местным наркозом больше часа, непрерывно читал стихи. Сестричка после операции спрашивает: «Вам больно?» Он через силу улыбнулся и ответил: «Так ведь мученики не так терпели».

Отец не просто был терпелив, он обладал тем незаметным мужеством интеллигента, который не перекладывает свои несчастья и боли на других.

Мне до сих пор недостаёт отца – его прекрасного чтения стихов, его смеха, стука шахматных фигур о деревянную доску. До сих пор ловлю себя на мысли, когда сталкиваюсь с чем-то неизвестным или забытым: «Надо папу спросить...» И о том, что такое демократический социализм, и о том, как раньше называлась улица Островского, и о забытом авторе вспомнившихся строчек...